

Мы требовали счастливой жизни (Из воспоминаний участника стачки 1914 года)

Уж очень нас к тому времени притесняли хозяева фабриканты. За каждую мелочь штрафovali, при выдаче полочки бессовестно обсчитывали. В лабаз за продуктами, бывало, придёшь — дороговизна страшная, а продукты гнилые. И каждый тебе хозяин — мастер на тебя кричит, кулаками стучит, управляющий — увольнением грозит, директор — тому на глаза не кажись. Всякое терпение у рабочих истощилось.

Каплей, переполнившей чашу терпения, было несправедливое решение администрации фабрики о выдаче вознаграждений в связи с 50-летием существования Переславской мануфактуры. Вознаграждения дали конторщикам, которые помогали опутывать рабочих, а рабочие, из чьего пота и крови создавались прибыли товарищества, получили шиш.

Помню, под вечер в наш цех с криками:

— К директору, за прибавкой, не всё терпеть... — ввалилась группа работниц во главе с Румянцевой, Москвиной и другими. К ним присоединялись рабочие, кто погорячее, помоложе, а с ними и я.

Директор, англичанин Орель, слушать нас не стал,

— Не хотите работать, убирайтесь с фабрики, — заорал он и повернулся к нам спиной.

Тогда как-то сразу и решили остановить фабрику. В некоторых цехах встретили сопротивление мастеров, но быстро с ними расправились. Фабрика встала. Рабочие покидали цеха, а на дворе уже хозяйничали надзиратели Угрюмов и Стариков.

На другой день с утра рабочие Штанков, братья Сидоровы и я в том числе, пробрались в так называемую трубную и уговорили рабочих по двору бросить работу и присоединиться к нам. Почти весь этот день множество рабочих толпились во дворе фабрики, но ни мастера, ни директор не показывались.

К вечеру понаехали стражники из других городов и разгоняли стачечников. Так прошёл день.

На третий день я встал рано. Не терпелось узнать, что там на фабрике. Прихожу. Ворота закрыты. У ворот толпа рабочих, а за воротами стражники, полицейские и среди них табельщики с книжками. Народ всё прибывал. Подошли братья Сидоровы, Штанков, Филиппов и другие товарищи. Толпа по нашему уговору нажала на ворота и, распахнув их, ворвалась во двор фабрики. Хозяева Кузнецов и Первушин и их прихвостни находились в конторе. Рабочие окружили контору. Одни кричали — прибавку давай, другие — директора долой, третьи — мастеров-англичан требовали уволить.

Вышел фабрикант Первушин. Он сказал, чтобы требования были записаны на бумаге и чтобы рабочие выбрали комиссию для переговоров с администрацией. Рабочие записали требования, избрали комиссии, но всё напрасно. Их слушать не хотели.

В этот день приехал инспектор, но он вместо того, чтобы выслушать рабочих, стал их грубо ругать. Рабочие, конечно, не стерпели и чуть его не поколотили.

Вечером по улицам разъезжали стражники, а рабочие у них перед носом охотились за шпиками и предателями и избивали их.

Ночью ко мне пришли «гости» — надзиратель Угрюмов и 6 стражников, всё в доме перевернули вверх дном, нашли 4 политических брошюры, привезённые зятем из Москвы.

Меня арестовали и отвели в тюрьму.

Через некоторое время в камеру втолкнули ещё несколько человек — Штанкова Фёдора, Худова Фёдора, Синякова Николая.

На допрос таскали по 4 раза в день. Продержали нас 3 недели, выпустили, когда забастовка кончилась. Пришли и мы к директору поступать на работу. А он нас встретил криком:

— Вон, сукины сыны!

Запомнили мы это крепко, до 1917 года помнили. А тут уж за всё сразу рассчитались.